

ТАЛАНТЛИВО И С УМОМ

состоится премьера спектакля «Ромео и Джульетта»

это и есть «убийство» личности (смеется). Но я бы так категорично не говорила. Бывают ситуации, когда мне говорят с вызовом: «Я этого в жизни не танцевал(а)». И не буду, дескать. Помню, одна балерина заявила: «Я, кроме Жизели, ничего не исполняла». А я ее Тамару поставила танцевать в «Демоне» – чувственную такую, плотскую героиню. Актриса была маленькая, худенькая, настоящая травести. И вдруг из нее «полез» такой эротизм, что все разом воскликнули: «Господи, ты почему раньше ничего подобного не танцевала?» «Убила» ли я в ней в этот момент Жизель, или просто произошло что-то другое – не знаю (смеется).

– Вы считаетесь лучшей ученицей Николая Боярчикова. Какие из его уроков самые ценные? И что, в свою очередь, вы пытаетесь донести уже до своих подопечных?

– Не скажу, что были какие-то специальные «уроки». Хотя нет – когда, будучи студенткой, ставила свой первый балет «Снежная королева» в Сыктывкаре, Боярчиков не разговаривал со мной два месяца. Приходила на занятия, а он молчал. Потом сказал, что это просто невозможно обсуждать. Вот это и было для меня самым большим уроком (смеется). Вообще, наверное, хорошая педагогика – это когда что-то между строк. Когда видишь, как работает мастер, и уже на основании этого черпаешь для себя какие-то вещи. Во всяком случае, со мной происходит именно так.

На самом деле главное – это попытаться остаться самим собой. Николай Николаевич не единожды говорил, что в консерваторию приходят учиться разные студенты, и, в основном, одаренные. А выходят из ее стен – как под одну гребенку. Потому что, когда приобретаются какие-то знания, появляется страх сделать что-то не так. Вот и получаются все такие ровненькие, грамотные, воспитанные. Конечно, не бояться пойти алогичным путем – очень трудно. Между хореографом и умением сочинять комбинации не надо ставить знак равенства. Этому как раз можно научить – изобретать прыжки, повороты, разнообразные движения ног и рук. А вот мировоззрению научить невозможно. Потому что хореограф – прежде всего определенный взгляд на жизнь, на все, что происходит в мире. То же самое относится и к художнику, композитору, режиссеру. Если эту остроту ощущения мира сохранить и через все уроки грамотности провести, тогда будут результаты. Этого я пытаюсь добиться в своих учениках. Хочу, чтобы они не были одинаковыми, и всегда прошу: не делайте привычных обычных комбинаций. Второй момент – бережное отношение к музыке.

Для Николая Николаевича Боярчикова музыка всегда была путеводной звездой. Композиторы – не самые глупые люди на этом свете, значит, нужно расшифровывать информацию, которую они заложили в произведении. И понять, почему сделали именно так, а не иначе. А уж потом делать акцент на своем отношении к музыке. Грамотное восприятие музыки, уважительное отношение к литературной основе, и при этом всегда – попытка сохранить что-то свое. Если не болит – не бери, не делай, потому что все равно не получится. Будет только форма. Такие вот мои установки.

– В этом году у вас своеобразный юбилей: десять лет спектаклю «Золушка», в котором вы впервые заявили о себе как о хореографе многоактного балета. Какие наиболее знаковые события, прошедшие за это время, вы могли бы назвать?

– Главное событие произошло в моей жизни три года назад – это рождение двоих детей. Поэтому сейчас все крутится вокруг них. А в творческом плане... Конечно же, памятные большие спектакли. Такие как «Золушка», «Слуга двух господ», «Демон», который поставила в Михайловском театре Санкт-Петербурга. Памятна – по своей сложности – работа в Большом театре, где я делала спектакль «Руслан и Людмила». Там за три недели нужно было создать масштабное четырехактное «полотно». Был выполнен колоссальный объем работы: репетиции шли непрерывно, на нервной почве я похудела на семь килограммов. Зато какой был кураж (смеется)!

– Обратила внимание, что на последней церемонии награждения высшей театральной премией страны – «Золотая Маска» – среди

номинантов-хореографов не было ни одной российской фамилии – сплошь иностранцы. Какая-то странная тенденция: у нас что, своих классных балетмейстеров нет?

– На самом деле обидно, что приглашают молодых хореографов из-за границы, которых, большинству своем, никто не знает. Они ставят и в Мариинском театре, и в Большом. Причем хореографы, закончившие студии в Европе, как правило, все словно «из одного ларца» – одинаковые, как искусственные зубы. Можно подумать, что кроме Алексея Ратманского (художественный руководитель балетной труппы Большого театра в 2004–2008-м годах. – Прим. авт.) никого не знаем. Но он не один, есть много талантливых балетмейстеров, которые очень интересно работают.

– У вас был опыт сотрудничества и с фигуристами, и с художественными гимнастками...

– Меня не страшат эксперименты. Это же так интересно. Такие возможности открываются, когда берешь гимнастку и артиста балета и видишь, что предела просто не существует. Сейчас в Санкт-Петербургском мюзик-холле делаю новую программу с труппой, в которой работают бывшие гимнастки. И с ними тоже пытаемся совмещать, казалось бы, несовместимые вещи, позволяющие значительно расширить границы танца.

– У вас безумный темп жизни. Как все успеваете?

– Большое спасибо маме, которая буквально «выпинывает» меня из дома со словами: «Маша, работай, а я буду заниматься детьми». Спасибо, что близкие поддерживают и дают возможность заниматься любимым делом. Это очень трудно и тяжело на самом деле. Потому что только в 20 лет можно «скакать» на пяти работах и получать от этого удовольствие. А сейчас уже накапливается усталость: скорость мысли не та, скорость азарта – не та и скорость наглости – тоже. Раньше все проблемы решала с одного щелчка: сейчас приду, всех поубиваю и быстро сделаю, как надо. Теперь все происходит гораздо медленнее (смеется).

– Мария Анатольевна, согласитесь, что есть люди абсолютно не умеющие танцевать?

– В этом случае следует говорить о внутренней закрепленности. На самом деле способность двигаться, владеть своим телом идет от внутренней свободы. Это точно. А значит – не надо бояться и думать о том, что у тебя толстый живот, кривые ноги, короткая шея, маленькая грудь. Надо вообще перестать акцентироваться на своих комплексах и понять, что внешняя оболочка – ничто, поскольку танцует душа. Примеров таких – масса! Возьмите испанок, которые в большинстве своем толстухи, но как при этом зажигательно танцуют фламенко – глаз не отвести. В такие моменты просто не обращаешь внимания, какого они размера. Конечно, встречаются и совсем «необучаемые» танцам. К такому «разряду» можно отнести людей с полным отсутствием чувства ритма. Но даже из них можно «вытянуть» какую-то пластичность, близкую их органике.

– В нашей стране последние годы безумно популярны восточные танцы. Они действительно позволяют женщинам раскрепоститься?

– Когда-то я сама прошла основы йоги, потом занималась таким танцевальным направлением, как modern dance, который близок к йоге. От этих занятий пошло умение восстанавливать дыхание, правильное, гармоничное, ровное развитие личности. Не буду углубляться во все нюансы, скажу лишь, что йога и modern dance – это своеобразный взгляд внутрь себя. Если грамотно подойти к себе, суметь расслабиться изнутри, то быстро перестанешь сопротивляться внешнему миру. А это очень важно – принимать мир, впускать его в себя и «плыть» по нему. Лично я в целеную силу восточных танцев не очень верю. В плане экзотики это может быть любопытно. Но для того, чтобы кого-то соблазнить восточным танцем, внутренне тоже надо раскрепоститься. Как ни крути, но, если у тебя ужас в глазах и думаешь о том, как выглядишь, все равно ничего не получится. В этом смысле, мне кажется, нашим женщинам лучше хороводы водить на природе. Утром или на рассвете. Босиком ☺

Беседавала НАТАЛЬЯ РОМАНЮК
ФОТО > ИГОРЬ ПЯТИНИН

